Это странная проза, еще немного – и реквием, еще чуть-чуть – и лития по живым; прекрасная строгая и суровая проза; печальная, как тонкое нежное лицо молчащей у окна девушки, и сжатая в крепкий кулак – почти железный.

Это повесть о тюрьме и свободе.

Сила жеста нужна – приняться за неторопливый, с виду такой спокойный рассказ о том, как парня посадили в тюрьму, а девушка, в чужом городе, у чужих людей, ждет его: когда выпустят. И даже не его ждет. А того, что произойдет.

Произойти может все что угодно. К этому «все что угодно» главная героиня повести, Аглая, готова. Так на войне солдат готов к атаке.

Егор, тот, кого в тюрьму посадили, – революционер. А мог бы жить, как все. Он сделал выбор. Против чего восстает? Да против обреченности. Обречены все. Власть – потому, что не может править, как должно. Старики – потому что жизнь прожили, а их втоптали в грязь нищеты. Молодежь – их поманили богатой жизнью, показали ее как киношный миф: и ты так сможешь, ты этого достоин, беги за деньгами, беги! – а бежать нельзя, мышцы слабые, судьи давно пущены на мыло, и стадион разрушен. Кто же в выигрыше? Неужели никто? Тогда зачем он нужен, этот старый новый строй, вернувшийся в обреченную страну капитализм?

Люди в повести Марии Скрягиной и действуют (на то оно и действие), и раздумывают.

Раздумья – да, личные. И – да! – политические. Человек – социален, он живет не в вакууме. И сейчас личное настолько сопряглось с общественным, что их если и разорвать, только с кровью.

«Деньги, работа, карьера. Выходить на площадь, что-то требовать – не глупость ли, не безумие? На что он надеялся? Все искал правды и справедливости. А есть ли они? И под силу ли одному-единственному человеку сдвинуть горы?

Зачем ты, Егорушка, зачем, мой хороший...»

Мать того, кто в тюрьме, Вера Александровна, преодолевает отчаяние, но ей и утешить-то себя нечем: оглядывается назад и понимает – вся жизнь – погоня за несбыточным: за деньгами, квартирой, фантастическим богатством, – а потом уже не до богатства: фастфуд, чтобы – выжить. «А потом надо было уже ложиться спать, чтобы завтра снова в бой».

Героиня – отнюдь не простушка; она преподает в вузе философию, и в этом вся ее невероятная экзотичность: философ плюс революционер,

какой ансамбль... И она тоже – внутри этого каждодневного житейского боя. То, что она застряла в Москве из-за Егора, это поступок из рук вон, отнюдь не философский – плоть от плоти жизни и реальности; мать кричит ей по телефону: «...у тебя роман? Роман, да?»

К чему революция? Кто воистину пойдет за революционерами? Когда-то Захар Прилепин сильно и остро показал обреченность и трагизм новой революции в романе «Санькя». Не поставим повесть «Бутырка» рядом с тем романом: годы прошли, и «Бутырка» – гораздо более достоевская вещь, более сдержанная и сумрачная, где на тонкую тоскливую нить постоянного рефрена «тюрьма – свобода» нанизываются мысли и чувства не молодого паренька, а молодой женщины Аглаи. Мы, разумеется, вне гендерного вопроса. И все гендерных вопросов – пространство повести. Но героиня – женщина. Она видит все сущее вдумчивей и яснее: ей продолжать жизнь. И имя-то у героини достоевское. И сама она называет все в своем внутреннем монологе своими именами. Не боясь. Не лукавя. И мрачный колорит, скупые краски этой прозы призваны подчеркнуть сходство времен – а значит, вечность проклятых русских вопросов.

«Да что наступит! Все это было уже. Травли, доносы, вся эта интеллигентская возня. Раньше было непонятно, как такое возможно? Вроде же все честные, пламенные. Сейчас уже понимаешь. Этот с трибуны про честность, высокие принципы, моральность, у самого штук пять жен, другая – свобода, духовность, а сама – на грантах от миллиардеров пишет свои высокохудожественные эссе. Культура – она же без денег не живет, а кто ее может питать – либо к государству надо присосаться, но при этом его же, государство, и попинывать – а как иначе? Художник должен быть свободным. Кормиться, но чтоб не подавиться. Либо обслуживать частный бизнес с большими деньгами. А если не хочешь – будешь прозябать. Сторожем каким-нибудь в Воронеже».

А может быть, здесь, глубоко, спрятан неистребимый русский лиризм? Финал в этом смысле и освобождает, намекая на катарсис, и настораживает. Егор выпущен на волю. Воля, вон она! – это голос героя в мобильном телефоне. И радостное восклицанье Аглаи: «Здравствуй, Егор!» Здесь повесть обрывается: то ли деликатно, то ли классично-завершенно, то ли резко и даже грубо: думайте сами, соображайте, что будет потом, завтра! – то ли открыто, оставляя вместо констатации факта – вольный ветер.

Главный смысл «Бутырки» – внутри этих коротких, как клипы, кадров, выхватывающих из тьмы, опять же по-достоевски, а может, по-рембрандтовски, лица героев: каждый раздумывает о своем, а получается, что все – об одном.

О том, как жить.

И что делать.

И, конечно же, кто виноват.

Вот она, съединенность, трагическая, внецерковная соборность: страдают все, и все – в ответе.

Традиционность и жесткость извечных «русских вопросов» не смягчается даже ясно просматривающейся женственностью героини; впрочем, женственность ее проявляется отнюдь не явно, не открыто, эта девушка – тайна: Аглая вместе человечна и жестка, нежна и «остроугольна», – она может повернуться и уйти, но она же умеет ждать. Тоже – русский характер, сотканный из противоречий. И ни при чем здесь философия.

Обманчиво-груба, с виду вульгарно-скандальна старуха Марья Семеновна, подруга старухи Александры Тимофеевны (Шуры), у которой Аглая снимает угол. И потом, позже, проступая постепенно и неумолимо, через корку простецкой грубости старой бабы начинает просвечивать эта самая русская неистребимая человечность – этот свет достигает апогея ближе к финалу, когда Семеновна выгоняет из квартиры претендующую на жилплощадь дальнюю родственницу и тем самым спасает от хищницы больную хозяйку.

Название «Бутырка» на слуху у многих в России. Так же, как и Лефортово в Москве, и Кресты в Питере. Три русские темы время от времени поднимаются нашими писателями: война, революция и тюрьма. Доколе держится на поверхности земли человечество, дотоле эти темы, вечные не только для России, будут его сопровождать. Наказать за ослушание лишением воли – это справедливо? отвратительно? необходимо? ужасно?

Почему именно человек изобрел сам для себя такую пытку – тюремную камеру? В повести мы ее не видим: писатель сознательно не показывает нам эти картины застенка, окошко в клеточку. Мы вдруг осознаем, что Бутырка – боже, правда ли это? – она на улице, в жилищах, в трясущемся транспорте, – везде. Да, бред! Но так похожий на реальность.

Мария Скрягина поняла нечто важное про нас про всех. И нашла в себе смелость спокойно рассказать об этом.

Сдержанно; скупо; точно; больно; скорбно; а иногда с печальной улыбкой.

Тюрьма бессмертна. Так же, как и воля.

От них обеих – по крайней мере, в России – не уйдешь.